

Глава 1

Виновен. Виновен, как пить дать. Так уговаривал себя Питер Скаттергуд, чуть ли не вслух споря сам с собой. Пора было возвращаться в зал суда, но и в спешке возвращения он, высокий брюнет в дорогом и солидном темном пальто, нет-нет да поглядывал вверх, на небо, ловя бледный полуденный свет, мерцавший и пробивавшийся между стенами новехоньких небоскребов. Останавливаться и глазеть не было времени. Питер ускорил шаг, лавируя в толпе прохожих, и холодный ветерок скользнул ему за шиворот, несмотря на шерстяной шарф. Его ожидало очередное ледящее кровь убийство на сексуальной почве, убийство предумышленное, первой степени. Размышлять тут было не о чем. Но так как убийство обозначало крайнюю степень человеческой ущемленности, напоминая ему, что сам он в людском сообществе находится на совершенно другом, противоположном полюсе, размышление над этим было даже приятно и открывало источник своеобразного мрачного удовлетворения, чем следовало воспользоваться — не так уж

часто в последнее время доводилось ему испытывать удовлетворение.

Свернув за угол на Маркет-стрит, он сгорбился от порыва резкого январского ветра, вмиг обдавшего холодом покрасневшее лицо. Еще квартал к востоку — и перед ним предстанет Ратуша, шесть сотен помещений, здание, воздвигавшееся три десятка лет, двадцатидвухфутовые стены, некогда самое высокое и вместительное из общественных сооружений Америки, с колоссальным памятником Уильяму Пенну, возвышающимся на сорок восемь футов над землей. Еще в школьные годы Ратуша внушала Питеру благоговение. И вот она перед ним: белый мрамор, посеревший от городской копоти и выхлопных газов, загаженные голубями карнизы, колонны и выступы, и все же величественное, потрясающее великолепием сооружение, центр городского самоуправления, средоточие верховной власти, вмещающее кабинеты мэра и его окружения — сборища продажных и недалеких бюрократов, а также раздраемый склоками Городской совет, службы социальной защиты, Верховный суд штата Пенсильвания, городское хозяйство и прочее, прочее, сорок девять судебных кабинетов и, по уверениям всезнающего Берджера, даже каморку, где в течение рабочего дня можно, не теряя даром времени, быстренько получить сеанс орального секса: девушка на табурете, пять минут, тридцать баксов. Но в последнее время здание Ратуши стало его раздражать — неприятны были изваяния на фасаде, злобно оскалившиеся львы, изображение бородатого тирана в оконной нише на пятом этаже, мраморнощекие девы, задумчиво вззирающие вниз с портиков. Он запретил себе смотреть на эти каменные рожи.

Перейдя улицу на зеленый свет, Питер прошел под арку, мимо нотариальной конторы, и направился к лифтам четвертого этажа. Он работал теперь в 453-м зале суда, а судья Скарлетти, уж конечно, не преминет отчитать заместителя окружного прокурора за опоздание на послеобеденное заседание. Он миновал судебские кабинеты, комнаты присяжных и прочие помещения, распахнутые двери которых позволяли заглянуть внутрь и увидеть сонмы усталых секретарей и полки с порыжелыми папками дел по стенам до самого потолка. В залах царил полумрак подземелья, мелькали силуэты людей, выныривавших из тьмы в свет и обратно. Он кивал, молча раскланиваясь с другими юристами, местными полицейскими, судьями. Перед лифтами двое полицейских за деньги налогоплательщиков читали “Дейли ньюс”. На четвертом этаже стояла группа людей с сине-желтыми значками присяжных. Они высокомерно поглядывали по сторонам, горделивые в своем мимолетном могуществе. Где-то лаяла одна из овчарок охраны. Этих собак Питер ненавидел — неестественно огромных, выученных наводить ужас бешеным сверканьем своих желтых глаз и грозными клыками. Он прошел мимо комнаты детективов, ожидавших своей очереди давать показания. Эти тоже были сплошь огромны, выхолены, аккуратно причесаны и упитанны. Они перебрасывались шуточками. В городской Ратуше все друг друга знали.

На скамье возле зала 453 сидел человек лет тридцати с лишним, с сигаретой во рту. Дым от сигареты таялся в дымном полумраке. Длинные выющиеся патлы, куртка мотоциклиста, выпуклая грудь. Рослый. Питер признал в нем одного из старших братьев Робинсона, ответчика.

— Господин прокурор, — хрипло проговорил мужчина. Он встал и быстро смерил взглядом сверху вниз серый в полосочку костюм Питера от “Брукс Бразерс”, его коричневый галстук и накрахмаленную белую рубашку. В двух шагах от них в дверях стояли двое полицейских.

— Чем могу служить?

— Вы здешний? — Мужчина кинул на пол сигарету. — Мне только узнать.

— Родился в Филадельфии, — ответил Питер, — и вырос здесь.

— А лет вам сколько?

— Тридцать один.

— Бред. Молокосос судит другого молокососа! — Он приблизился, явно не испытывая ни малейшего страха. — Если моего брата признают виновным, что ему грозит?

— Пожизненное. Видимо, так.

— Но он совсем мальчишка. Спустите это дело на тормозах, слышите?

— Не мне решать, решает жюри присяжных.

— Но насколько он виноват — это ведь вы указываете!

Питер вспомнил убитую Джуди Уоррен и сколько часов ему пришлось потратить, утешая ее домашних, как он клялся расправиться с убийцей, как объяснял им, шаг за шагом, все этапы до безумия медленной судебной процедуры, начиная с обвинения и предварительных слушаний и до последнего судебного заседания. Уже несколько месяцев членов этой семьи питало и побуждало к действию их невыразимое горе. Им было не до тонкостей юридической стратегии. Люди эти жаждали справедливости, искупления содеянного против них. Левый большой палец Джуди был отрезан и засунут ей во влагалище.

— Вот это вы и собирались мне сказать? — холодно осведомился Питер.

Брат ответчика снова окинул его взглядом, затем улыбнулся:

— Нет. Я собирался послать вас к такой-то матери!

Отшатнувшись, Питер быстро прошел в зал, куда его впустил полицейский с металлоискателем. Знакомый сумрак зала, выцветшие ковровые дорожки, мигающий неверный свет, деревянные панели стен, увешанных портретами давно почивших судей, успокоили его. Толстая чернокожая секретарь суда Глэдис подождала, пока он пройдет на место и поставит свой портфель.

— Мистер Скаттергуд, вам жена звонила, — строгим голосом сообщила она, складывая в сторонку документы. — Она, по-видимому, сердита на вас.

— Вы в курсе чего-то мне неизвестного, Глэдис?

— Не делайте из меня дурачку, мистер Скаттергуд. Она достойная женщина.

— Она оставила телефон?

— Да. Оставила.

— Ну, это уже другое дело. — Он взял из гладкой черной руки Глэдис розовую бумажку с номером и, сложив, сунул в карман. — А до начала что мы такое, а, Глэдис?

Она недоуменно глядела на него:

— Лучше вы скажите, мистер Скаттергуд.

Мы недочеловеки или покойники, мысленно проговорил он. Нащупав пальцами бумажку в кармане, он подумал, не позвонить ли. Нет, беспокоиться о Дженис сейчас недосуг, недосуг размышлять и над тем, что еще в их браке рухнуло, рассыпавшись в прах. И опять эта боль в груди, тупая боль в подреберье. Доктор сказал,

что это все от злоупотребления кофеином и *чрезмерно* перенапряжения. Боль невралгическая, даже кардиограмму делать не нужно, сердце у него как у быка, и анализ на холестерин благоприятный, спасибо Глэдис за ее вегетарианскую еду.

Вошел судья Скарлетти и сел за свой барьер; двигался он рассеянно, с автоматизмом человека, врывающегося в автобус. Пошелестев распечатанными с компьютера бумагами, он взглянул на часы, после чего, подняв глаза, осмотрел зал.

Два коренастых помощника шерифа ввели ответчика без наручников. Уильям Бидл Робинсон, нахальный юнец, словно сошедший с рекламы “Американ экспресс”, сел рядом с Морганом, своим защитником. Несмотря на солидный кашемировый костюм и галстук, Робинсон производил впечатление легковесности и абсолютной непредсказуемости — возможно, из-за манеры смеяться не к месту и то и дело поднимать брови. Родители его имели контрольный пакет акций холдинговой компании, владевшей одной из частных клиник города. Юный Уильям убил девушку, с которой у него был роман, после того как она его бросила. Если сравнивать это дело с другими в том же роде, то оно было типичным, несмотря на весь кошмар происшедшего, и получило небольшую огласку, возможно, потому, что убийца жил за чертой города, а убитая девушка, чьи родители избегали репортеров, принадлежала к низшему слою среднего класса, не вызывавшему интереса у газетчиков. Дело это пресса осветила лишь по необходимости — страницы три поближе к концу в “Инкуайрере” и стандартное сообщение в “Дейли ньюс”, — в целом негусто, возможно, еще и потому, что Филадельфию в это время сотрясал другой скандал, сопровождавшийся

воем газетчиков, — о гражданских судьях, обвиненных в коррупции, и главарях преступных группировок, пойманных за руку в результате хитро проведенных операций. На втором этаже Ратуши суетились полчища репортеров с камерами, все они освещали сенсацию этой недели — процесс над одним из главарей мафии, любителем золотых галстучных булавок и бесшумного устранения противников; что же касается Питера, на этот раз неприметность его вполне устраивала. Хотя дело его и имело вид более устрашающий, чем многие другие, все равно ему было суждено кануть в Лету вместе с остальными. Единственным желанием Питера было без лишнего шума завершить этот процесс. Блуждающее и ненасытное око прессы из кого угодно может высосать все соки — сейчас оно Питеру было нужно меньше всего, и без того неприятностей хватает.

Строго говоря, газетчики и телевизионщики могли бы получить здесь неплохой сюжет для раскрутки. Ответчику было двадцать два года, временами он проявлял блестящее красноречие, временами, наоборот, словно впадал в ступор — начинал мучительно теряться и подыскивать слова; в детстве учился в элитных частных школах, выпускник Йеля, год стажировался в Колумбийском университете. При задержании в его бумажнике было обнаружено не меньше восемнадцати кредитных карточек, одежда же его состояла из грубых ботинок, зеленых вельветовых, в крупный рубчик, штанов и строгой рубашки на пуговицах.

Вращаясь в свое время в том же кругу выпускников филладельфийских частных школ, завсегдатаев клубов и летних лагерей, Питер был некогда знаком с семейством Робинсонов и даже однажды побывал у них в гостях. Как это часто случается, в преступлении одного из

членов семейства отразился весь уклад жизни Робинсонов. Жили они в громадной дореволюционной усадьбе в двадцати милях от города, в графстве Честер; к прочным толстым стенам строгого особняка вела длинная подъездная аллея; за домом был пруд, в котором Питер, помнится, искупался. Кухня щеголяла всяческими новомодными приспособлениями, на крепких досках паркета — кашемировые ковры, в книжных шкафах в кабинете — китайские нефритовые фигурки, наверху — анфилада спален, масса фотографий родителей, снятых в разное время репортерами светской хроники: улыбающиеся лица, белоснежные, отлично запломбированные зубы, в руках — фужеры. Невеселое глянцевое благополучие. Тайно произведенные подтяжки лица, бега, крытый дранкой летний домик в дюнах Нантакета, подлинный Ансель Адамс в вестибюле, квартальный трастовый чек Манхэттенского банка. Вся жизнь Питера проходила среди таких людей. А дети их нередко съезжали с катушек, несмотря на здоровый образ жизни на уютных фермах Новой Англии, на годовой доход в восемьдесят тысяч долларов, помощь лучших психиатров и все прочее. Что хуже — иметь все преимущества отличного старта и не преуспеть или же не иметь никаких первоначальных преимуществ, работать как каторжный, а потом все-таки потерпеть крах под гнетом обстоятельств? Родители Робинсона, устыдившись и преисполнившись гнева, выделили средства, необходимые для защиты их чада в суде, после чего покинули североамериканский континент на неопределенное время.

Тот факт, что оба родителя ответчика так ни разу и не появились в суде, был присяжными замечен и не одобрен. Но дело в том, что родители давно уже махнули рукой на сына. Доктор Робинсон, заработав непо-

мерные деньги врачебной практикой, пустил часть их на удовлетворение своей давней страсти к рыбалке в дебрях Канады, Южной Америки и на севере Индии. Домой он возвращался редко. Жена его несла свой крест — воспитание четырех сыновей собственными силами с помощью одного лишь богатства и при минимуме интереса со стороны отца. Сыновья получили прекрасное образование, что еще больше развило в них присущие им хитроумие и изворотливость. Дело осложнялось еще и их природными данными — недюжинной силой и смелостью (все четверо были парнями крупными, красивыми, с мощной отцовской челюстью), а также их явным и рано проявившимся тяготением ко всякого рода неподобающим знакомствам — особам мужского пола, нарушавшим псевдоидиллическое благообразие уготованной братьям жизненной колеи: наркоторговцам, байкерам, рабочим на бензозаправках, каким-то сомнительным механикам, пожарным из добровольных дружин, мелким гангстерам и водителям-дальнобойщикам на пенсии. В детстве с братьями не было сладу, они творили что хотели: куролесили в родительском доме с ватагой своих дружков, то поджигая что-нибудь, то гоня на мотоциклах по тщательно выровненным площадкам для игры в крокет, то мучая всякую живность, то устраивая бешеные пляски в амбаре на краю усадьбы, а став постарше — занимались изготовлением наркотической дури в каких-нибудь стоящих на отшибе сараях, укрывали ворованные машины и содержали гаремы из местных молодых нонконформисток, не слишком заботившихся о своей репутации и своем будущем. Каждый из сыновей отлично знал, что в возрасте тридцати лет унаследует год за годом возрастающую крупную сумму, — перспективу эту родители, даже если б и стара-

лись, не могли изменить благодаря условиям трастового договора, составленного давно умершим дедом, а потому стимула работать и чего-то добиваться у мальчиков не было.

Младший, Уильям Робинсон, несколько отличался от других братьев — даже образ жизни его внешне выглядел благопристойным. С помощью денег, которыми он располагал, а также живого и неугомонного интеллекта он без видимого труда окончил школу и университет, но, похоже, шатания из одной сферы жизни в совершенно другую оказались ему не по силам, вызвав стресс, а может быть — Питер этого не знал и не слишком этим интересовался, — Робинсон внезапно ощутил свою неприкаянность, отсутствие любви и сплоченности в семье.

— Готовы, господин прокурор? — Судья Скарлетти повернул к нему микрофон.

Питер кивнул и перелистнул страницы блокнота. Кто-то наполнил водой графин на его столе. В зал вошли родные Джуди Уоррен и сели тесной группкой за барьером. Женщины держали друг друга за руки и комкали носовые платки. Мужчины, не желая открыто давать волю чувствам, сверлили ответчика ненавидящим взглядом, после чего принимали вид подчеркнутого и с трудом сохраняемого сдержанного достоинства. Невозможно и подсчитать, сколько раз Питер уже видел подобное зрелище, и всякий раз он волновался, опасаясь, что не оправдает надежд. По праву или нет, но он нуждался в слезах благодарности, которые должны были пролить эти люди, услышав “виновен”, — мертвых этим словом не воскресить, но для родственников оно становилось своего рода катарсисом, облегчавшим скорбь. Вот появилась защита, за ней — несколько пра-

одношатающихся: зрители, жизнерадостные пенсионеры в теплых кофтах, от нечего делать забредающие то на один процесс, то на другой в поисках развлечения. Для них трагедия носила чисто познавательный характер, они радостно прищелкивали вставными челюстями, когда речь заходила о пролитой крови, и громко шептались, делаясь впечатлениями. Проскользнул в зал и студент-юрист, в точности такой, каким был и Питер лет десять назад, — он одиноко маячил где-то в задних рядах, но чутко следил за происходящим и жадно впитывал каждое слово; студент пытался понять, как соотносится судебная практика с тем, что описывают учебники юриспруденции. А вот гуськом входят и присяжные, пробираются к своим пронумерованным креслам. Последним появляется тот самый брат ответчика, поджидавший Питера возле входа в зал. Окинув всех собравшихся сердитым взглядом, он примостился сзади. Всем было ясно, что последует дальше.

Как заместитель прокурора Питер уже высказал все свои соображения, и ему оставалось лишь завершить выступление допросом последнего свидетеля — детектива, проводившего перекрестный допрос Робинсона после его задержания. Морган, конечно, сделает все возможное, чтобы опровергнуть свидетельство, но будет это нелегко, так как Робинсон признался в содеянном или, по крайней мере, в том, что было ему инкриминировано. Ни малейшего давления на ответчика или нарушения его прав зафиксировано не было, возможно, потому, что обвиняемый был белым, отлично образованным и принадлежал к высшим слоям общества, и поэтому признание его было учтено и принято на досудебном слушании. И все же в этом признании улавливались некоторые шероховатости, причиной которых, возможно,

стали несколько ироническое отношение Робинсона к офицерам полиции и недоверие к самой процедуре допроса. Загнанного в угол ошеломляющим потоком доказательств Моргана могло спасти лишь озарение свыше, и он не нашел ничего лучшего, чем утверждать нечто совершенно невозможное. В предварительном заявлении он обещал представить свою версию событий и доказать, что Робинсон не совершал преступления, в котором его обвиняют, *несмотря даже на собственное свое признание*. То есть стратегия была выбрана эффектная, хотя и абсурдная.

Питер перевернул страницу блокнота. На следующей странице значилось:

“Детект. Нельсон — допрос на 8-й и Рейс:

1. Вопросы технические, ознакомительные.
2. Заявление ответчика — лампа, нож, бензин”.

Судейский секретарь приводил к присяге Ральфа Н. Нельсона на новенькой Библии с номером их зала, непочтительно нацарапанным на обложке. Питер и Нельсон отлично понимали друг друга — насколько позволяло их совершенно разное положение в этом мире. Нельсону было под пятьдесят, он был чернокожим и в полиции служил уже тогда, когда Питер еще только появился на свет. Он свидетельствовал на сотнях и сотнях процессов. Служил он в администрации Риццо, Грина, Гуда. Питеру даже инструктировать его предварительно не приходилось — достаточно задать вопросы, и Нельсон сделает все как надо. Нельсон был огромным, как шкаф, но габариты его, вместо того чтобы производить впечатление силы, недоступной прочим смертным, почему-то лишь наводили на мысль об усталости, огромной и неизбежной, на мысль о тяжком бремени знания, обо всех жестокостях, на которые порой способны

люди по отношению к своим ближним. Нельсон сел на свидетельское место, сообщил свой служебный номер и в терпеливом ожидании поднял покрасневшие глаза.

Питер торопливо задал ему необходимые технические вопросы. Служебный автомобиль с неотмеченным номером. Был в наручниках? Нет. Куда отвезли? Кабинет С полицейского участка на углу Рейс и 8-й улицы. Нельсон сидел совершенно неподвижно и лишь изредка моргал; чего только не было в его голосе: следы неумеренного курения, хрипотца бесконечных радиопомех во время усердных записей в отделе убийств, его трехлетний “бьюик”, два шрама от пулевых ранений на заднице, толстозадая жена, которую он любил нежно и преданно, абонемент на матчи “Иглс” и маленькая внучка с врожденным пороком сердца.

— Вы ознакомили ответчика с его правами? — спросил Питер.

— Да. Я сказал ему: “Вы имеете право хранить молчание. Вы имеете право на адвоката. Если вы не можете сами нанять адвоката, вам выделит его и оплатит штат Пенсильвания. Каждое ваше слово может быть использовано против вас”.

— Откуда вы взяли формулировки?

Нельсон поднял вверх карточку:

— Это стандартная полицейская форма № 75, раздел 3. На обратной стороне формы содержатся вопросы, которые я и зачитал ответчику. “Понимаете ли вы, что имеете право хранить молчание?” На это ответчик сказал “да”. “Понимаете ли вы, что имеете право на адвоката?” Ответ также был утвердительным. “Вполне ли вы осознали, что при желании адвокат может быть вызван уже сейчас?” — “Осознал, мать твою, осознал...” — “Понимаете ли вы...”

Морган сидел за своим столом, внимательно слушающая, готовый в любой момент возразить; он то снимал с рукавов пушинки, то собирал в кучку валявшиеся скрепки, наблюдая, как рассыпается в прах выстроенная им защита. Питер подобрал таких присяжных, которые поверят Нельсону. Вслушиваясь в бесконечно повторяющиеся слова, Робинсон не поднимал головы и улыбался сам себе, ухватившись за стол обеими руками, словно боясь упасть навзничь.

— А была ли в этой беседе в отношении ответчика применена сила? — спросил Питер, когда детектив окончил сообщение. Он хотел опередить Моргана, задав кое-что из полагавшихся ему вопросов, и тем самым нарушить ход перекрестного допроса.

— Нет.

— Не был ли ответчик пьян?

— Нет.

— Блеск в глазах? Невнятная речь?

— Нет.

— Следы наркотического опьянения?

— Нет.

— Не был ли ответчик болен?

— Нет.

— После бессонной ночи?

— Нет.

— Не испытывал ли жажды?

— Нет.

— Не наносили ли ему словесных оскорблений, не кричали ли на него?

— Нет.

— Вполне ли он ориентировался во времени, пространстве, осознавал ли свою личность и ситуацию, в которой находится?

— Да, судя по всему, во времени он ориентировался хорошо. В месте — также. И личность свою осознавал. Как и ситуацию. И понимал, что дело серьезное, если допрос ведут два детектива, господин прокурор.

Он оценил краткость и аккуратную точность показаний Нельсона. Такое редко услышишь. Большинство свидетелей, и даже подчас полицейские, более склонны полагаться на капризы памяти.

— И вы получили его признание?

— Да.

— Оно у вас при себе сейчас?

— Так точно.

— Опишите, пожалуйста, способ получения признания.

— Я задавал ему вопросы и дословно печатал каждый его ответ на машинке.

— Вы хорошо печатаете?

— Примерно девяносто пять знаков в минуту.

Детектив криво улыбнулся, видимо смущенный такой своей секретарской прытью. Питер знал, как подбодрить его.

— В армии выучились печатать, верно?

— Да, сэр.

— Итак, признание является точной и подробной записью вашего разговора?

— Совершенно верно.

— Почему вы не сделали видеозапись?

— Мы собирались и это сделать, но он стал говорить раньше, чем принесли камеру, и прежде, чем мы ее наладили. Он так и сыпал словами, а я только и успевал записывать за ним.

— Вы находите необычным то, как все это происходило?

— Нет. Мы часто печатаем признания. — И детектив позволил себе даже устало высказать мнение: — Это эффективно.

— Хорошо, — сказал Питер. — Ответчик подписал признание?

— Да. Расписался на каждой странице.

— Прочел ли он предварительно весь текст?

— Да.

— Ответчик грамотен? — Глупый вопрос, если учесть полученное Робинсоном образование, однако задать его полагалось.

— Я попросил его прочесть вслух два первых параграфа.

— Будьте любезны ознакомить с этим суд.

— Имеется ли соответствующая копия у защиты? — осведомился судья.

Морган порылся в бумагах:

— Ну да, минуту назад она у меня была...

Морган, чьи вечно всклокоченные темные волосы черным облаком вились вокруг его черепа, был рассеян ровно настолько же, насколько был добропорядочен. Ожидая, Питер сунул руку в карман, где нащупал бумажку с номером телефона Дженис. Где это может быть такой номер? А что если она там лишь временно?

— С разрешения высокого суда, ваша честь, пока защита занята поисками, не могу ли я попросить о маленьком перерыве?

Судья Скарлетти вздохнул — еще одна проволочка в череде сплошных проволочек.

— Я не против, ваша честь, — с профессиональной вежливостью произнес Морган.

— Видите ли, джентльмены, — с усталой улыбкой сказал судья, — советую вам помнить, что я старше вас.